

ВОСПОМИНАНИЯ

• Пережитое

НЕРАССТРЕЛЯННАЯ СУДЬБА

(Из воспоминаний
Героя Социалистического Труда
П.К. Ковалева)

19 августа 1943 года немцы вошли в Гомель — началась оккупация города и области.

43-й год. Август. Мне 12 лет. Бегу по полю в лес, к опушке (там наши все, деревенские, прятались — облага была), а немец бьет по мне из винтовки: раз, два, три... Не знаю как, но успеваю заметить, что он даже на колено стал: целит и бьет... Шесть раз... И не попал. А я только пули слышал, с того дня и помню их... Это было в начале августа, между Заболотьем и Старым Мостом. Там немцы и там немцы. Они прикрывали это пространство, опушку леса, чтоб никто не проскочил.

Позже, в октябре 43-го года большая блокировка леса была, прочесывали немцы. Мы в лесу прятались. Расскажу про один день. Мы со старшим братом лежим под кустом, а рядом немцы: прочесывают. Слышно даже, как они говорят. Мой брат Александр шепчет мне, младшему: «Лежи на животе, не поворачивайся: не страшно, когда колоть будут штыком». Когда немцы начали нас давить, кольцо сжимать, в этой панике мы разбежались, потерялись. Маме достался трехлетний Яков. Где-то под кустами мать забилась, а чтоб он не кричал, так она всунула ему пальцы в рот — указательный и средний. Ну и, значит, пока гоняли немцы, она держала, чтоб не кричал, а он грыз, до костей прогрыз пальцы. Вот так спасла она себя и его.

А блокировка тогда сильная была. В тот день постреляли много. Кого поймали. Одного хлопца спрятали в колодце, накрыли досками, а он или моргнул, или что — увидели его и пристрелили. В другой семье двух сестер убили, а брату их выстрелили прямо в затылок. А пуля — под кожей: вжик — и все... Может, рикошет... Может, хлопцев головой мотнул, и пуля пошла по касательной, не в голову, а под кожу... Когда он упал, так немец ему выстрелил в спину. А у нас сумки на спине были, ну, котомочки. А в котомке кружка и ложка. Так пуля первую стенку кружки пробила, а на ложке остановилась и не пошла дальше. Тимочка его звали, Кличка детская такая. После армии он пошел в священники, служил в Гомеле, в нашей Никольской церкви.

А через дом от нас, на правой стороне поселка, девочка на два класса старше меня. Она повернулась — и прямо в глаз пуля. И насмерть.

А еще двоюродный брат... Это уже в начале ноября. Там спалили поселок. Закревье. Прямо в лесу. Домов двадцать-пятнадцать. Он выскочил, а у него зеленые немецкие штаны. А откуда они у него? Значит, с убитого немца. Немцы в него из засады, из пулемета. Когда он лежал, немец подошел, падла, в висок выстрелил. Звали его Морозов Василий. Он, видно, в спину ранен был и, наверное, ногами бил, потому что, когда мы пришли хоронить, выбита была земля ногами кругом. Он лежал на боку... А на голове, возле глаза, где вошла пуля — маленькое синее отверстие. Повернули его — а другая сторона вырвана: ни глаза нет, ничего...

А третий мой случай был в ноябре 43-го, 26 ноября. Мы в лесу были. Люди, коровы. А немцы — вояки грамотные, и они уходили от Сожа. Утром, видно, проверяли траншеи: не остался ли кто? И они не попали на Уваровичи, и не попали на Буду. А попали сюда, где Хорошевка, даже больше — Старый Мост. На лес, как на Жлобин идти. И где-то в восемь утра что-то меня дернуло — раз! — а там два немца: офицер и солдат. Они из куста на полянку выскочили. И меня под автомат: четыре или три выстрела... Если б так — то все... А они немного в сторону. И на ломаном языке: «Партизан! Где партизаны?» Они, видно, сами испугались. Они сбились с дороги и лишний раз не хотели стрелять. Второе: видно, фронтовики. Ну видят же: тринадцать — пятнадцать годков!... Сказали на ломаном: «Беги!» Повернулся, бегу... Ударит или не ударит? Ничего. Тихо. Когда оглянулся — их уже не было.

(Из книги И.Н. Афанасьева
«Великая Отечественная война
в судьбе литературы и культуры»,
2011 год».)